

Перспективы Центральной Азии

К завершению международной операции в Афганистане

Афганистан после президентских выборов

Состоявшиеся в Афганистане в 2014 году президентские выборы подводят черту под эпохой почти 12-летнего правления Хамида Карзая; они стали первой демократической сменой власти после свержения в декабре 2001 года режима талибов. 5 апреля 2014 года прошел первый тур выборов, который принес победу Абдулле Абдулле (44,9 процента голосов) — бывшему министру обороны (1992—1996) и министру иностранных дел (1997—2005), соратнику лидера Северного альянса Ахмада Шаха Масуда и главному сопернику Карзая на предыдущих выборах 2009 года. Выходец из таджикско-пуштунской семьи, Абдулла получил поддержку со стороны влиятельных таджикских и узбекских кланов, а также части пуштунской племенной верхушки. На втором месте оказался экс-министр финансов, бывший сотрудник Всемирного банка пуштун Ашраф Гани Ахмадзай (32,5 процента), имеющий американское гражданство и являющийся, по всем показателям, политической фигурой, более предпочтительной для США, нежели Абдулла. Глава МИД Афганистана с 2010-го по 2013 год, пуштун Залмай Расул, на которого делал ставку покидающий свой пост президент Карзай, занял только третье место (менее 12 процентов). Поскольку ни один из претендентов не набрал требовавшихся по афганским законам более 50 процентов голосов, был назначен второй тур голосования, который прошел 14 июня.

По его итогам победа досталась Ахмадзаю (56,44 процента голосов), в то время как Абдулла набрал только 43,45 процента. Поскольку последний отказался признать итоги выборов и обвинил своего соперника в их фальсификации, был объявлен пересчет голосов, затянувшийся на долгое время. За это время афганская политическая элита раскололась: кто-то поддержал Абдуллу, кто-то — Ахмадзая; замаячил сценарий силового противостояния, что было абсолютно невыгодно США. Они все еще остаются главным действующим лицом афганской эпопеи, а главное — так совпало, что практически одновременно с выборными и послевыборными баталиями в Афганистане американская администрация понесла ощутимые имиджевые и политические потери в Ираке.

МАЛЫШЕВА Дина Борисовна — главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор политических наук.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, «Талибан», региональная безопасность, Международные силы содействия безопасности, НАТО, ОДКБ, ШОС, Россия, Китай, Казахстан.

Осуществленная там в 2003 году США и их союзниками военная операция по «смене режима» не приглушила в этой ближневосточной стране межклановую и межфракционную борьбу, которая после ухода из Ирака в 2011 году американских оккупационных войск переросла в гражданскую междоусобицу, грозящую расколом страны. Еще больший удар по достигнутой, как считали на Западе, хрупкой стабильности Ирака нанесла радикально-исламистская организация суннитского толка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)¹, вступившая с начала 2014 года в кровопролитный конфликт с правительством Ирака. Захватив значительную его часть, боевики ИГИЛ провозгласили 29 июня 2014 года «Исламский халифат» на подконтрольных территориях Ирака и Сирии.

Не удивительно, что американская администрация приложила все усилия к тому, чтобы найти выход из кризиса, в который погрузили Афганистан президентские выборы. Между тем согласно плану, обнародованному 27 мая 2014 года президентом США Бараком Обамой, 9800 американских военнослужащих, которые должны остаться в Афганистане к концу 2014 года (в настоящее время из первоначально размещенных в Афганистане 100 тысяч американских военных осталось 32 тысячи), будут помогать афганской армии и силам безопасности проводить контртеррористические операции. В 2015 году США предполагают сократить численность своей группировки вдвое, а к концу 2016-го все американские военные, кроме небольшого контингента, который останется в стране, должны будут покинуть Афганистан². В целях обеспечения безопасности этого контингента Вашингтон настаивает на заключении с Кабулом двустороннего соглашения, которое предоставит остающимся американским военнослужащим иммунитет от местного законодательства. Покидавший свой пост президент Хамид Карзай отказался подписывать это соглашение, оставив доделывать работу по нему новому главе Афганистана.

В возникшую после выборов коллизию пришлось срочно вмешаться госсекретарю США Дж. Керри, которому удалось усадить за стол переговоров обоих претендентов на президентский пост. 8 августа они подписали соглашение о формировании «правительства национального единства». Это соглашение, заключенное по итогам закулисных переговоров, а значит — в нарушение демократических процедур, американский журналист Мэтью Розенберг назвал «мягким переворотом», намекнув на заинтересованность в нем Карзая, который продлевал таким образом еще на год срок своего пребывания в президентском дворце³. Несмотря на то, что вскоре после этого власти, недовольные публикацией Розенберга, приказали ему покинуть Афганистан, там не исключали, что Карзай сможет возглавить «временное правительство», которое рассматрива-

¹ Рожденная в 2006 году в недрах «Аль-Каиды», ИГИЛ вместе с другими исламистскими боевиками и светской оппозицией принимала с 2011 года деятельное участие в поддержанной США и их союзниками войне с правительством Башара Асада в Сирии.

² См. Statement by the President on Afghanistan. May 27, 2014. — www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/27/statement-president-afghanistan

³ См. **Rosenberg M.** Amid Election Impasse, Calls in Afghanistan for an Interim Government // The New York Times. 18.08.2014. — www.nytimes.com/2014/08/19/world/asia/amid-election-impasse-calls-in-afghanistan-for-an-interim-government.html?_r=0

лось как действующей властью, так и американцами как вариант выхода из кризиса. 29 сентября 2014 года Ахмадзай вступил на пост президента Афганистана. Тем не менее было бы большим преувеличением говорить о полной управляемости американцами Афганистаном, где обстановка остается малопредсказуемой.

Боевой потенциал талибов (по некоторым подсчетам, от 25 до 40 тысяч опытных бойцов) остается достаточно внушительным. По данным Контактной группы ШОС—Афганистан⁴, талибам удалось к настоящему времени установить контроль на 40 и более процентами территории Афганистана; многие руководители движения до сих пор сотрудничают с «Аль-Каидой» и другими террористическими организациями, и им удастся без особых проблем совершать теракты даже в особо охраняемых зонах. Проблематичной видится способность афганских военных структур в будущем самостоятельно противостоять талибам, особенно если принять во внимание этническое, племенное и клановое деление Афганистана. Ведь даже куда более мощным Международным силам содействия безопасности (МССБ) не удалось упорядочить ситуацию в Афганистане, а своей главной цели — ликвидации материально-технической базы талибов, уничтожения их лидеров и изоляции оставшихся в живых командиров движения от подконтрольных им вооруженных повстанческих отрядов — союзникам добиться удалось лишь частично. Не предотвращена и радикализация Пакистана, где обосновались связанные с влиятельной пакистанской Межвидовой разведкой (Inter-Service Intelligence) главные силы афганского вооруженного сопротивления — движение «Талибан» с его руководящим органом «Кветташура», «сеть Хаккани» и «Исламская партия Афганистана» Гульбеддина Хекматияра. Не проявляющие интереса к мирным переговорам талибы скорее всего просто выжидают, надеясь после ухода иностранных войск установить свою власть на большей части страны.

Не удивительно, что центральноазиатские соседи Афганистана готовятся к возможным переменам в региональной обстановке, рискам «обвала» ситуации после вывода из Афганистана иностранных войск и перелива нестабильности в Центральную Азию.

Вызовы и риски для постсоветской Центральной Азии

В настоящее время обоюдный интерес стран Центральной Азии к Афганистану и Афганистана к Центральной Азии сохраняется, и это связано с несколькими факторами. Во-первых, с сохранением за соседями Афганистана — особенно за Узбекистаном и Казахстаном — роли доноров афганской экономики. Во-вторых, с привлекательностью планируемых в Центральной Азии проектов, которые способны обеспечить энергетическую безопасность Афганистана. Это газопровод ТАПИ (Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия), к которому могут присоединиться Казахстан и Узбекистан; проектируемый нефтепровод из южноказахстанского Шымкента в Индию, который частично должен пройти по территории Афганистана; проект по поставкам электроэнергии в Афганистан, связывающий эту страну с Киргизстаном, Таджикистаном и Пакистаном (The 1000 Electricity

⁴ См. Известия. 17.07.2014.

Transmission and Trade Project for Central Asia and SouthAsia — CASA-1000). Полноценное функционирование коридора Север—Юг также во многом будет зависеть от мирной обстановки в Афганистане.

Как сложатся после вывода из Афганистана иностранных войск отношения между Афганистаном и странами региона, будет зависеть от того, станет ли Афганистан «нормальной», мирной страной или вновь погрузится в пучину братоубийственной войны. Если реализуется второй сценарий, то Центральную Азию могут ждать серьезные вызовы и угрозы, контуры которых просматриваются и в наши дни.

Во-первых, можно предположить возможность распространения боевых действий — в случае возобновления в Афганистане крупномасштабной гражданской войны — на территорию соседних государств, Таджикистана в первую очередь. Сложности могут создать возвращающиеся на родину в массовом порядке из Афганистана и Пакистана этнические узбеки и таджики из состава действующих в так называемой зоне АфПак военизированных формирований оппозиции (Исламское движение Узбекистана и пр.). Это может подтолкнуть

На ближайшую перспективу не прослеживается прямая и непосредственная связь государств региона (за вычетом Таджикистана) с внутренними процессами в Афганистане — борьбой там за власть, межэтническими, межклановыми, межрелигиозными спорами. Но обезопасить себя от вызовов и угроз с афганского направления остается для центральноазиатских государств важной задачей.

участников местных религиозно-политических движений сомкнуться с вооруженными выходцами из Афганистана. Опасной видится и гипотетическая перспектива реализации в Афганистане исламистского проекта, одним из неизбежных следствий которого станет радикализация центральноазиатской уммы, активизация

там исламистско-радикальных движений, нередко связанных с организациями транснационального терроризма. Наконец, реальной угрозой становится усиление наркопроизводства и наркотрафика — факторов, способствующих коррупции и дестабилизирующих внутривосточную жизнь государств.

Однако в целом же основные вызовы безопасности в Центральной Азии исходят от внутренних социально-экономических и политических проблем, и на ближайшую перспективу не прослеживается прямая и непосредственная связь государств региона (за вычетом Таджикистана) с внутренними процессами в Афганистане — борьбой там за власть, межэтническими, межклановыми, межрелигиозными спорами. Но обезопасить себя от вызо-

вов и угроз с афганского направления остается для центральноазиатских государств важной задачей. Обращает на себя внимание, однако, то обстоятельство, что национальные стратегии безопасности центральноазиатских государств и, соответственно, их подходы к решению афганской проблемы заметно различаются.

Таджикистан, Киргизия и Казахстан, наряду с элементами военно-политического сотрудничества с США/НАТО, связывают свою политику в сфере безопасности в целом и по афганскому вопросу в частности с участием в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и укреплением союзнических связей с Россией. Узбекистан и Туркменистан дистанцируются от созданных в рамках СНГ структур безопасности, стараясь проводить равноудаленную от мировых и региональных центров внешнюю политику.

Таджикистан, имеющий с Афганистаном самую протяженную и во многом незащищенную границу, частично проходящую по сложному горному рельефу, что и является причиной трудностей в ее охране, — наиболее слабое звено с точки зрения уязвимости для потенциальных угроз из Афганистана. Поскольку от Запада, несмотря на все заигрывания с ним, масштабной помощи Таджикистану ждать не приходится, надежды на помощь в защите от внешней угрозы и поддержании стабильности в стране возлагают в Душанбе на Москву, которая остается главным экономическим донором и военно-политическим союзником республики.

Во время официального визита президента РФ В. Путина в Таджикистан (5—6 октября 2012 года) с правительством Таджикистана были заключены важные военные соглашения. Согласно подписанным документам расположенная в Таджикистане 201-я российская военная база сохранится до 2042 года с возможностью продления дальнейшего ее пребывания в республике. Кроме того, военнотрудовые базы и члены их семей приравнены по своему статусу к административному персоналу посольства РФ. Россия намерена также продолжить оказание помощи Таджикистану в модернизации и техническом переоснащении вооруженных сил, наращивании потенциала по охране государственной границы, особенно на афганском направлении. Как заявил министр иностранных дел РФ С. Лавров, прибывший в таджикскую столицу для участия в состоявшемся там 31 июля 2014 года заседании Совета министров стран—членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), «будем принимать эти меры как по двусторонней линии, так и в рамках выполнения в полном объеме соответствующих решений ОДКБ»⁵.

Для **Казахстана** в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков от возможного возникновения в Афганистане гражданской войны заметно ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и МССБ может негативным образом сказаться и на

⁵ Документ № 1812-30-07-2014. Заявление для СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Таджикистана С. М. Асловым, Душанбе, 30 июля 2014 года. — www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6B843A38A78DA7F044257D25004CECA0

Казахстане, юг которого тесно связан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном центральноазиатских государствах может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны Афганистана, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму российского участия по защите Казахстана для отражения этой угрозы.

Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытал в последние годы проблемы в сфере безопасности, которые связываются в республике с афганским фактором. В мае 2011 года впервые за новейшую историю Казахстана произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты были зафиксированы в таких крупных городах, как Астана, Атырау, Алматы, Тараз. Ответственность за террористические акты взяла на себя неизвестная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата», имевшая связи с «Аль-Каидой» и занимавшаяся подготовкой боевиков для этой международной террористической организации. Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы в Казахстан активно направляются боевики — как правило этнические казахи — с целью вербовки новых членов и давления на власти. Обращает на себя внимание тот факт, что теракты в стране совпали с активизацией внутриэлитной политической борьбы в Казахстане, что было связано с вопросом преемственности власти. Участились и ужесточились нападения с участием исламистов также после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, стал строить вместе с ней единое евразийское пространство, вступил в Таможенный союз.

Власти Казахстана не исключают возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе и с помощью организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах Казахстана, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивается за счет нелегальных трудовых мигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена здесь спецслужбами и деятельность экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир». Так что многое, включая появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием, говорит о том, что Казахстану не удастся остаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе в росте религиозного экстремизма; причем опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства населения страны.

И все же исламистский экстремизм, имеющий в Центральной Азии преимущественно афгано-пакистанское происхождение, не находит массовой базы для своего распространения в Казахстане. Эта, по существу, внешняя угроза не столь значима, как внутренняя дестабилизация, которая возможна из-за социальных конфликтов или же соперничества элит.

Казахстан, претендующий на лидерство в общерегиональном масштабе и на весомую роль в мировых делах, вносит ощутимый вклад в многосторонние усилия по поддержанию безопасности в регионе. Готов он выступить посредником и в решении афганских проблем, организуя с этой целью конференции, выдвигая дипломатические и многосторонние инициативы

по урегулированию ситуации в Афганистане. Казахстан уделяет внимание обучению студентов из Афганистана и оказанию ему помощи в рамках учрежденного в ноябре 2012 года Агентства по международному развитию (KazAID).

Киргизстан, как и Казахстан, географически отдален от Афганистана. Однако республика не обладает таким же зарядом прочности и внутренними ресурсами, как Казахстан, и потому не способна своими силами противостоять возникающим вызовам и угрозам, идущим в том числе и из Афганистана.

Наметившийся у руководства Киргизии с осени 2012 года сдвиг в сторону углубленного сотрудничества с Россией позволяет предположить возможность создания на базе авиабазы «Манас», из которой американцы ушли в начале июня 2014 года, совместного российско-киргизского логистического центра. Как надеется официальный Бишкек, столичный аэропорт сможет стать крупным транспортным узлом, который позволит значительно сократить время перелета между Западной Европой и Юго-Восточной Азией.

Свидетельством переориентации республики на российские проекты в сфере безопасности стали заключенные в Бишкеке в сентябре 2012 года российско-киргизские договоренности, закрепляющие российское военное присутствие в республике, включая авиабазу в Канте, базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу. Списание многомиллионного долга, выделение не менее крупной суммы денег на поддержание киргизского бюджета, приход российских компаний в энергетическую отрасль республики в качестве крупнейшего инвестора также являются свидетельством того, что Россия активизировала свою внешнеполитическую работу в Киргизии.

Граничащий с Афганистаном **Узбекистан**, стремящийся опираться во внешней политике и в сфере обеспечения безопасности в основном на собственные ресурсы, надеется защититься от потенциальных угроз со стороны южного соседа с помощью своего достаточно мощного, по масштабам региона, военного потенциала. Достаточно сказать, что в 2013 году военный бюджет Узбекистана составлял 1,4 миллиарда долларов (более 4 процентов от ВВП), что превосходит суммарные затраты на оборону в Таджикистане (в 20 раз) и Киргизстане (в 45 раз)⁶, при том что военная доктрина Узбекистана особое внимание уделяет предстоящему выводу МССБ из Афганистана.

Рассчитывает Узбекистан и на западную военную помощь, поскольку территория республики рассматривается США и НАТО как наиболее привлекательная для создания крупных транспортных центров, имеющих региональное значение, а также военных объектов, которые могут функционировать на постоянной либо временной основе. В 2012 году государственный департамент США снял запрет на поставку оружия в Узбекистан, и в 2014-м Ташкент рассчитывает обновить свои арсеналы за счет военной техники (бронемашины, средства связи, артиллерийские

⁶ См. Вооруженные силы Узбекистана: оценка боеспособности // Центральноазиатский портал. 04.07.2014. — www.ca-portal.ru/article:12498

системы, трейлеры, топливозаправщики, тягачи, бульдозеры и даже, возможно, авиацию), полученной от уходящего из Афганистана контингента МССБ.

Сотрудничает Узбекистан по ряду направлений и с НАТО, центральноазиатское представительство которой было открыто 16 мая 2014 года в Ташкенте. На постоянной основе с 2002 года германскими «Люфтваффе» из состава сил НАТО используется отстроенная еще в советские времена авиабаза в Термезе, на границе с Афганистаном. Маловероятным пока, однако, видится появление в Узбекистане военных баз США, несмотря на то, что это центральноазиатское государство приостановило в 2012 году свое членство в ОДКБ: принятая в августе 2012 года Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан запрещает размещать иностранные военные базы на территории страны.

С точки зрения понимания будущих отношений Афганистана с Узбекистаном, а шире — и со всей Центральной Азией, примечателен состоявшийся в начале февраля 2014 года неофициальный визит в Узбекистан и Казахстан генерала Абдул Рашида Дустума — лидера этнических узбеков Афганистана, председателя партии «Национально-исламское движение Афганистана» и начальника штаба верховного командования вооруженными силами Афганистана. Дустум, которому Ахмадзай обещал пост вице-президента, обсудил в центральноазиатских столицах возможность получения военно-технической помощи, как это было в 1990-е годы во время противостояния Северного альянса с талибами⁷.

Туркменистан, как и в период пребывания талибов у власти в Афганистане (Туркменистан был одним из немногих государств, признавших Исламский Эмират Афганистана), надеялся остаться в стороне от возможной дестабилизации, используя в числе прочего заинтересованность Афганистана в туркменских энергоресурсах. Однако в 2014 году ситуация стала угрожать безопасности Туркменистана, имеющего практически прозрачную и плохо защищенную границу с Афганистаном. Именно там — в граничащей с Туркменистаном провинции Фарьяб стало наблюдаться сосредоточение боевиков движения «Талибан» и его союзников из стран Центральной Азии и с российского Северного Кавказа, резкое усиление с мая 2014 года их вооруженных столкновений с правительственной армией Афганистана. Все это побудило власти Туркменистана со всей серьезностью отнестись к возникшей угрозе. С туркменской стороны на границу прибыло подкрепление резервистов, и Ашхабад впервые за постсоветскую историю негласно объявил мобилизацию, чтобы хоть как-то укрепить свою границу на юге. Примечательно также, что еще в конце марта 2014 года представители Туркменистана, прежде уклонявшиеся — ссылаясь на нейтральный статус республики — от коллективных многосторонних консультаций со странами СНГ, приняли участие во встрече в Казахстане глав пограничных служб центральноазиатских республик. Вопрос о защите границ региона на афганском направлении фигурировал там в повестке дня как один из основных.

⁷ См., например: **Муминов А.** Дустум пошел по миру и дошел до Казахстана // Курсив.kz. 04.02.2014. — www.kursiv.kz/news/details/vlast/Dustum-poshel-po-miru-i-doshel-do-Kazahstana/

Россия и ОДКБ в поисках безопасного развития

Очевидно, что в случае реализации в Афганистане негативного сценария и его выплеска на центральноазиатский регион главная тяжесть по противодействию таким потенциальным угрозам неизбежно ляжет на Россию и патронируемые ею структуры безопасности, особенно на ОДКБ. Эту международную организацию в связи с определяющим вкладом РФ в ее работу можно считать в каком-то смысле российским ведомством по помощи в обеспечении безопасности в Центральной Азии. ОДКБ имеет также контакты и с афганскими структурами. Исламская Республика Афганистан (ИРА) с 11 апреля 2013 года является наблюдателем при Парламентской Ассамблее ОДКБ.

Состоявшаяся 23 сентября 2013 года в Сочи встреча на высшем уровне стран—участниц ОДКБ приняла пакет предложений для Центральной Азии с учетом ситуации, которая может сложиться в Афганистане после ухода иностранных войск. Организация намерена поддержать афганское правительство в плане помощи Национальной армии Афганистана, оказания гуманитарной помощи и инвестирования в экономику республики. Другим направлением деятельности ОДКБ в Центральной Азии становится усиление охраны границы Таджикистана с Афганистаном с целью создания заслона на пути трансграничной организованной преступности и незаконной миграции. Кроме того, речь идет об обеспечении КСОП (Коллективные силы оперативного реагирования) ОДКБ современными образцами вооружения и техники. И еще — об усилении координации деятельности спецслужб центральноазиатских государств и России для пресечения экстремистских угроз со стороны Афганистана.

Но особое внимание предполагается уделить проблеме пресечения наркотрафика из Афганистана, ввиду того, что эта проблема, по заявлению главы российского антинаркотического ведомства Виктора Иванова, представляет серьезную опасность для РФ, в особенности учитывая, что посевы опиумного мака в ИРА достигли рекордных размеров — 250 тысяч гектаров⁸.

Согласно данным Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (УНП ООН), приведенным во «Всемирном докладе о наркотиках-2014», производство опиатов в Афганистане в 2013 году резко возросло, равно как и посевная площадь опийного мака (со 154 тысяч гектаров в 2012 году до 209 тысяч в 2013-м)⁹. Исполнительный директор УНП ООН Юрий Федотов заявил, что в настоящее время на территории ИРА изготавливается примерно 80 процентов от общемировых объемов опиума и героина, и уровень нелегального наркопроизводства по-прежнему не сокращается. «Незаконный оборот наркотиков составляет около 10—15 процентов ВВП страны, — уточнил Федотов. — В 2013 году посевные площади опийного мака достигли рекордной отметки в 209 тысяч гектаров. Производство опия выросло на 50 процентов и составило 5,5 тысячи тонн»¹⁰.

⁸ См. ФСКН готовит программу помощи Афганистану в борьбе с наркоугрозой // Афганистан.ру. 18.06.2014. — <https://afghanistan.ru/doc/75540.html>

⁹ См. Gripped by electoral crisis, Afghanistan needs «statesmanship, not brinkmanship» — UN envoy // UN News Centre. 25.06.2014. — www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=48130#.U60vHbGtxX0

¹⁰ Fedotov Yu. Director-General/Executive Director. Statement to the UN Security Council on Afghanistan. — www.unodc.org/unodc/en/speeches/2014/statement-to-the-un-security-council-on-afghanistan260614.html

На наркотрафик из Афганистана в Россию по так называемому северному маршруту приходится, согласно некоторым оценкам, 14 процентов от общего количества афганских опиатов. Однако российские источники и источники из ООН говорят о 25—35 процентах. Так что Россия остается крупнейшим рынком наркотического сбыта. По мнению экспертов, в настоящее время, когда Россия и Казахстан объединены в Таможенном союзе (ТС), границы для грузов нет вообще. А если Киргизия станет членом этого объединения, необходима будет помощь всех стран ТС в охране таджикско-киргизской границы. Героин, идущий из Афганистана в Россию, с точки зрения экспертов, становится глобальной угрозой безопасности. Специалисты уже не рассматривают героин в социально-медицинском аспекте, а считают афганский наркокартель мощной политической и международной структурой — возможно даже более сильной, чем «Талибан». Они выделяют его в плане глобальной угрозы для национальной безопасности, как важнейшее средство подпитки террористических формирований.

Россия в сотрудничестве с ЕС, ООН, США разрабатывала и пыталась реализовать целый ряд программ по предотвращению наркотрафика из Афганистана, в том числе и с участием некоторых государств Центральной Азии. Так, главы антинаркотических ведомств России, Афганистана, Пакистана и Таджикистана подписали 8 декабря 2010 года совместное заявление о создании Центрально-Азиатского антинаркотического квартета, однако о его деятельности мало что известно. Планируется задействовать возможности Региональной антитеррористической структуры ШОС, преобразовав ее в универсальный центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, включая и наркотическую. Есть, тем не менее, основания полагать, что российские инициативы могут, вследствие украинского кризиса и направленной против России западной санкционной активности, вообще остаться нереализуемыми. НАТО, США, ЕС, и прежде-то не особенно поддерживавшие российские призывы касательно борьбы с наркотическим злом, в новых международных условиях, максимально приближенных западными лидерами к временам «холодной войны», не заинтересованы в пресечении столь пагубных для России наркопотоков из Афганистана: ведь они не мешают Западу (а в известном смысле и помогают ему) плести вокруг России паутину внешнеполитической изоляции.

Более значимую роль в деле афганской стабилизации предстоит сыграть Шанхайской организации сотрудничества и ее специализированным структурам. Обращает на себя внимание в связи с этим проведение 24—29 августа 2014 года во Внутренней Монголии (КНР) первых с 2010 года крупных военных учений стран—участниц ШОС под названием «Мирная миссия-2014». Заявленная цель учений, в которых было задействовано свыше 7 тысяч военнослужащих из России, Казахстана, Киргизии, Китая и Таджикистана, — укрепление слаженности между странами—участницами ШОС, углубление сотрудничества и взаимодействия в сфере обороны и противодействия терроризму и региональным угрозам.

Осенью 2014 года к Российской Федерации перешло годичное председательство в ШОС, и перед ней стоит задача развить ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

Россия может предложить центральноазиатским странам стратегию ответа на внутренние и внешние вызовы и риски, при том что она сама заинтересована в стабилизации Афганистана, ликвидации там потенциальной нестабильности, включающей и исламистскую угрозу. Разумной альтернативой может стать иницилируемая Россией углубленная экономическая интеграция в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического союза, которая будет способствовать, в числе прочего, сохранению светского характера политических систем государств Центрально-Азиатского региона.

Поможет поддержанию региональной безопасности вовлечение во внутриафганское урегулирование, наряду со структурами ООН, стран Южной и Центральной Азии, их региональных организаций, нацеленных на политико-экономическое, а не военное взаимодействие с Афганистаном. В связи с этим большие возможности открываются перед теми экономическими, энергетическими, дорожно-транспортными проектами, в которых могут принять участие вместе с Афганистаном центральноазиатские государства, Россия, Китай, Пакистан, Индия, Иран — то есть страны, так или иначе участвующие в ШОС, БРИКС, «Группе 20». Вместе с тем искусственное выведение США/Западом по идеологическим и геополитическим соображениям некоторых из них (России, Ирана либо Китая) за пределы таких проектов не позволит им заработать в полную силу, не будет способствовать нормализации обстановки в регионе.

Центральноазиатские государства вместе с Россией, Индией и Ираном могли бы стать союзниками непугнутских групп Афганистана, помогая им добиваться своего представительства во властных структурах Афганистана и сдерживая возможную экспансию талибов на север. Свое участие в решении афганской проблемы центральноазиатские государства могут усилить, активизировав региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков.

Если в Центральной Азии произойдет расширение американо-натовского присутствия — как военного (базы), так и экономического, — на основе преобразования ныне функционирующего транзитного маршрута в Афганистан по территории России и Центральной Азии («Северная распределительная сеть поставок») в трансконтинентальную сеть, которая полностью покрывает территорию бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целью подобного военно-стратегического контроля станет сдерживание Китая, контроль над Афганистаном, подрыв экономических позиций России в регионе и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские. Но как показывает опыт других стран и регионов, натовские структуры заинтересованы не столько в поддержании стабильности — внутригосударственной или межгосударственной, сколько (пользуясь термином известного российского ученого А. Богатурова) в «принуждении к партнерству» стран пребывания, включении их в качестве сателлитов в орбиту западного влияния.

Американцы едва ли будут готовы принять на себя всю полноту рисков в случае обострения внутривосточной ситуации в странах региона или же брать на себя обязательства по предоставлению длительных гарантий

безопасности своим стратегическим партнерам. Иллюзией может оказаться и бытующее ныне в Центральной Азии представление о том, что западные военные структуры окажутся эффективнее в плане защиты от внешних и внутренних угроз, нежели ОДКБ. Есть также и пределы использования России как фактора, позволяющего оказывать давление на американских партнеров: такая «многовекторная» политика грозит со временем обернуться против тех, кто взял ее на вооружение.

Очевидно, что стратегию ответа на внешние вызовы и риски центральноазиатским государствам трудно будет выработать без внешней помощи. Такую помощь реально может предоставить Россия, которая осознает степень своей ответственности и пытается действовать в Центральной Азии на опережение, используя различные инструменты — структуры ОДКБ либо экономические интеграционные проекты (Таможенный союз, ЕЭП и др.). ◆